

Лебедев А. П. Новая немецкая книга о Константине Великом [Рец. на: Dr. F. M. Flasch. Constantin der Gross, als erster christlicher Kaiser. Würzburg, 1891] // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 2. С. 376–387 (2-я пагин.).

Новая нѣмецкая книга о Константинѣ Великомъ.

Какъ ни богата нѣмецкая церковно-историческая литература, въ которой находится много сочиненій относительно замѣчательнѣйшихъ христіанскихъ личностей, тѣмъ не менѣе въ ней не было до послѣдняго времени церковно-исторической монографіи о Константинѣ Великомъ.

Это впрочемъ не значитъ того, что бы въ этой литературѣ не обращалось должнаго вниманія на изученіе личности перваго христіанскаго императора и что бы въ ней недоставало способовъ къ ознакомленію научнымъ путемъ съ названною личностію. Въ нѣмецкой свѣтской литературѣ очень много писано о Константинѣ Великомъ какъ такого, что служить къ уясненію этого императора и что совершенно необходимо, такъ и такого, что не представляетъ собой научной необходимости и является плодомъ гиперкритики источниковъ и пенаучнаго педантизма; въ этой свѣтской исторической литературѣ встрѣчаемъ и монографіи, часто большія, и брошюры и журнальные статьи, изображающія жизнь и дѣятельность Константина. Рядомъ съ этой литературой встрѣчаемъ значительную церковно-историческую литературу, касающуюся этого же лица; но она состоитъ изъ многочисленныхъ журнальныхъ статей и небольшихъ брошюръ. Что же касается церковно-историческихъ монографій о первомъ христіанскомъ императорѣ, то таковыхъ нѣтъ въ нѣмецкой богословской литературѣ. Почему—нѣтъ, отвѣчать на вопросъ трудно. Быть можетъ потому, что свѣтская нѣмецкая литература весьма интересуется церковно-историческою стороною своихъ вопросовъ,

а поэтому церковно-исторической наукѣ, какъ такой, остается только пополнять труды, принадлежащія свѣтскимъ историкамъ и посвященные Константину.

Во всякомъ случаѣ является несомнѣннымъ фактомъ то, что въ нѣмецкой богословской литературѣ не встрѣчается монографій о Константинѣ Великомъ. Очень возможно, что восполнить этотъ пробѣлъ и вознамѣрился авторъ книги, о которой мы хотимъ говорить. Книга имѣетъ такое заглавие: *Constantin der Grosse, als erster christlicher Kaiser (Würzburg, 1891)*. Имя автора на книгѣ обозначено такъ: *Dr. F. M. Flasch* (Флашъ).

Составить церковно-историческую монографію о Константинѣ Великомъ, нужно сознаться, дѣло не легкое. Нѣмецкая историческая критика прикоснулась своимъ скептическимъ остриемъ рѣшительно всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи жизни и дѣятельности Константина: работать надъ матеріалами, принадлежащими къ Константиновой исторіи, приходится почти при такихъ же неблагопріятныхъ и стѣснительныхъ условіяхъ, при какихъ обязанъ въ наше время писать консервативный авторъ, изслѣдующій каноническія новозавѣтныя книги. Авторъ разсматриваемой нѣмецкой книги, Флашъ (католикъ по вѣроисповѣданію, какъ я догадывалось) ясно понималъ всю трудность задачи изобразить Константина, какъ „перваго христіанскаго императора“, такъ какъ необходимо приходится считаться со многообразною, враждебною Константину, литературою нашего времени; но сознаніе указанной трудности не останавливаетъ автора. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что онъ готовъ помѣриться силами съ литературными врагами памяти и чести Константина. Въ краткомъ предисловіи къ книгѣ встрѣчаемъ такія замѣчанія автора. Указавъ на враждебныя отношенія нѣмецкой литературы къ Константину, Флашъ пишетъ: „нападки направляются противъ его христіанскаго исповѣданія и противъ его любви къ церкви. О Константинѣ говорятъ, что считается христіаниномъ, онъ въ высшей степени склонялся къ сухому деизму, а являясь государственнымъ мужемъ, въ защитѣ церкви онъ видѣлъ лишь одинъ политическій интересъ; слышатся голоса, каждый объявляютъ Константина то на половину язычникомъ, то на половину аріаниномъ. Наше сочиненіе—за-

мѣчаетъ авторъ—посвящено защитѣ перваго христіанскаго императора“ (Vorwort).

Дѣло хорошее, предпріятіе заслуживающее вниманія уже по тому одному, что оно встрѣчается очень рѣдко въ нѣмецкой литературѣ.

Спрашивается: какъ осуществлено предпріятіе? Мы сказали, что написать основательное сочиненіе о Константинѣ въ наше время—очень трудно. Книга автора лишь подтверждаетъ нашу мысль. Можно вообще полагать, что Флашъ принялъ на себя задачу, которая превышаетъ и его силы, и его познанія.

Впрочемъ посмотримъ, что сдѣлано этимъ авторомъ.

Вотъ онъ говоритъ о обращеніи Константина къ христіанству и въ частности о видѣніи имъ креста съ тѣми обстоятельствами, которыя сопровождали это явленіе и послѣдовали за нимъ. Извѣстно, что эти вопросы трактуются въ нѣмецкой литературѣ совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлось-бы почитателямъ перваго христіанскаго императора, къ какимъ причисляетъ себя и авторъ. Задача серьезнаго историка состоитъ въ томъ, чтобы разобраться въ возраженіяхъ, сюда направленныхъ. Но авторъ хотя и понимаетъ: что нужно дѣлать, а на самомъ дѣлѣ не оправдываетъ самыхъ скромныхъ желаній. Напримѣръ, авторъ пишетъ: „чтобы опровергнуть возраженіе, что будто бы лабарумъ былъ для Константина „идоломъ“ и великолѣпнымъ фетишемъ (Prachtfetisch), для этого достаточно только прочесть у Евсевія, какъ онъ говоритъ о крестѣ“ (S. 8) и проч. Само по себѣ понятно, что такіа разсужденія убѣдительно только для тѣхъ, кого нѣтъ надобности убѣждать въ томъ, чего добивается авторъ. Правда, онъ входитъ въ кой-какія детали, наприм., онъ пишетъ: „Евсевій описываетъ лабарумъ, какъ онъ видѣлъ его *позднѣе*; слѣдовательно, нѣтъ основаній отвергать правдивость разсказа Евсевія о лабарумѣ, что на немъ изображены были дѣти Константина (изъ которыхъ во время явленія въ самомъ дѣлѣ существовалъ на свѣтѣ лишь Криспъ). *ibid*). Замѣчаніе это не ново, и давно уже повторяется защитниками Евсевіевыхъ разсказовъ о Константинѣ. Авторъ могъ бы и не повторять его лишній разъ, тѣмъ болѣе, что у другихъ писателей, благопріятствующихъ Константину, раз-

смаатриваются и другія возраженія противъ вѣрности того-же Евсевіева повѣствованія, чего однакожь Флашь не дѣлаетъ. вмѣсто какихъ либо другихъ разсужденій о обращеніи Константина въ христіанство, авторъ довольствуется выдержкой изъ сочиненія какого-то Германа Шиллера слѣдующаго содержанія: „если мы считаемъ несомнительнымъ, что уже тогда Константинъ изобразилъ на племѣ своемъ лабарумъ, знамя съ крестомъ, и ввелъ этотъ знакъ въ употребленіе на щитахъ своихъ воиновъ, да и приказалъ въ такомъ видѣ представить себя на монументѣ въ Римѣ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что въ это время онъ рѣшился сдѣлать христіанство религіею господствующею“ (11). Все это, можетъ быть, и очень вѣрно; но слѣдовало обставить доказательствами. Но ничего такого не сдѣлалъ Шиллеръ—по крайней мѣрѣ авторъ не приводитъ доказательствъ изъ Шиллера; и самъ авторъ не позаботился о томъ, чтобъ подкрѣпить доказательствами цитируемыя имъ чужія мысли.

Авторъ не безъ основанія останавливается на знамени-томъ Миланскомъ эдиктѣ, выданномъ Константиномъ вмѣстѣ съ Ликиніемъ. Эдиктъ этотъ истолковывается то такъ, то иначе историками, смотря по тому, ставятъ ли они высоко дѣятельность Константина или же стараются уменьшить и ослаблять ея значеніе. Въ виду этого, серьезный церковный историкъ обязанъ войти въ разъясненіе смысла эдикта и устранить всѣ главныя, неблагопріятныя для Константина, толкованія этого же указа. Ничего такого авторъ не дѣлаетъ. Правда, Флашь довольно распространяется о значеніи Миланскаго эдикта, но всѣ эти разъясненія слишкомъ голословны. Авторъ пишетъ: „когда Константинъ въ 313 году съ Ликиніемъ, за котораго онъ отдалъ свою сестру Констанцію, прибылъ въ Миланъ, то они объявили новый толерантный эдиктъ, которымъ уничтожены условія, стѣснительныя (для христіанства). Этотъ вѣторой эдиктъ ¹⁾ можно назвать освободительной грамотой церкви (Freiheitsbrief; очевидно въ этомъ случаѣ такимъ терминомъ авторъ переводитъ выраженіе *charta libertatis*, употребляемое Фла-

¹⁾ Авторъ подъ первымъ эдиктомъ здѣсь разумѣетъ Галеріевъ эдиктъ 311 года; но почему же не эдиктъ Константиновъ 312 года?

шемъ—но безъ надобности—въ примѣненіи къ миланскому эдикту). Эдиктъ этотъ не есть выраженіе принужденія, а есть выраженіе благорасположенія къ христіанству, вытекавшаго изъ свободнаго произволенія. По объ этомъ—замѣчаетъ авторъ—подробнѣе будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ“ (14). Дѣйствительно, подробности разясненія этого вопроса дѣло весьма не лишнее, потому что сейчасъ приведеннымъ замѣчаніемъ автора ни мало не разясняется сущность миланскаго эдикта. Но къ сожалѣнію, подробности, войти въ которыя обѣщаетъ авторъ, и которыя находятъ себѣ мѣсто черезъ нѣсколько страницъ, не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ ожиданіямъ. Прежде всего нужно сказать, что эти подробности, какъ оказывается, не суть плодъ собственныхъ изысканій автора, а представляютъ передачу чужихъ мыслей, мыслей какаго-то Зейфферта, профессора римскаго права въ вюрцбургскомъ университетѣ, которому принадлежитъ рѣчь, подъ заглавіемъ: „Законы Константина и христіанство“ (1891 г.), сказанная имъ при принятіи ректорской должности. Откровенно говоря, мы не знаемъ: кто этотъ Зейффертъ, какимъ авторитетомъ обладаетъ онъ, какъ ученый, какъ обстоятельна его рѣчь? Но если судить о ней по выдержкамъ Флаша, то рѣчь эта не представляетъ собою какаго-либо серьезнаго вклада въ литературу о Константинѣ. Въ виду этого, ссылки автора на авторитетъ Зейфферта не имѣютъ особенной цѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе для уясненія миланскаго эдикта, имѣютъ положимъ слѣдующія слова вюрцбургскаго юриста: „существующіе уголовные законы по временамъ не находили себѣ примѣненія къ христіанамъ уже и въ царствованіе прежнихъ императоровъ. Съ появленіемъ же миланскаго эдикта эти законы, поскольку они могли быть примѣняемы и къ христіанамъ, уничтожились, и христіане заняли въ римской имперіи положеніе, охраняемое законами“ (20. 21). Подобныя разсужденія, принадлежатъ ли они какому-то Зейфферту или самому автору, безо всякаго колебанія могутъ быть относимы къ разряду общихъ мѣствъ, не заключающихъ въ себѣ ничего убѣдительнаго.

Авторъ не оставляетъ безъ вниманія и вопроса о казни, совершенной по приказанію Константина, падъ его женою Фавстою, сыномъ его Криспомъ и пріёмнымъ племянни-

комъ Ликиніаномъ. Рѣчь объ этомъ необходимо должна вестися въ сочиненіи, имѣющемъ цѣлю защиту Константина отъ нападокъ различныхъ его литературныхъ враговъ. Ведеть такую рѣчь и разбираемый авторъ. Но очевидно, онъ совѣтъ ничего не могъ придумать, хоть сколько-нибудь соответствующаго цѣли. Въ его запасахъ нѣтъ ни новыхъ доказательствъ, ни даже остроумія. Авторъ съумѣлъ сдѣлать одно: своими словами пересказать содержаніе одной статьи Зекка, помѣщенной въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ (въ 1890 г.), подъ заглавіемъ: *Die Verwandtenmorde Constantins d. Gross.* ¹⁾ Къ чести Флаша нужно сказать, что онъ не молчитъ о своихъ заимствованіяхъ—и въ текстѣ книги и въ примѣчаніяхъ къ ней онъ не разъ заявляетъ, что его разъясненія по вопросу взяты у Зекка (S. 56. 58). Но бѣда въ томъ, что Зеккъ своими разъясненіями очень мало объявляетъ Константина: онъ доказываетъ и разъясняетъ, почему все это случилось. И мы соглашаемся съ Зеккомъ, что случившееся произошло при такихъ обстоятельствахъ, которыя достаточно оправдываютъ знаменитаго императора, но которыя не довольно извиняютъ великую церковно-историческую личность. При точкѣ зрѣнія Зекка, холодно и равнодушно смотрящаго на перваго христіанскаго императора, разъясненія его удовлетворительны; но если съ этими же разъясненіями останемся и при совершенно другой точкѣ зрѣнія, какова точка зрѣнія Флаша, имѣющаго цѣлю окружить яркимъ ореоломъ личность Константина, то неволью чувствуется несоотвѣтствіе между цѣлю автора и его средствами. Самъ авторъ, повидимому, понимаетъ, что разъясненія Зекка не объясняютъ дѣла желательнымъ образомъ, и потому онъ отъ себя дѣлаетъ такое замѣчаніе: по нашему мнѣнію, нельзя дѣлать упрека Константину въ противозаконности разсматриваемыхъ его поступковъ, „такъ какъ мы не знаемъ основанія осужденія и казни“ вышеуказанныхъ лицъ (59).

Авторъ принялъ на себя задачу доказать, что Константинъ во всю жизнь оставался приверженцемъ Никей-

¹⁾ Съ воззрѣніями Зекка можно знакомиться по нашей статьѣ въ „Правосл. Обозр.“ (1890, т. I): „Новые споры по старому вопросу изъ исторіи жизни Константина Вел.“ (стр. 86—99).

скаго собора, т. е. не имѣлъ наклонности къ аріанству, въ чемъ нерѣдко обвиняють перваго христіанскаго императора. Въ числѣ основаній, по которымъ считаютъ позволительнымъ выставять Константина человѣкомъ, не твердымъ въ православныхъ убѣжденіяхъ, указываютъ на его соизволеніе торжественно ввести Арія въ главный храмъ Константинополя, въ знакъ его воссоединенія съ церковію,—и на крещеніе Константина въ Никомидіи отъ руки извѣстнаго аріанина Евсевія Никомидійскаго. Эти два основанія Флашъ подвергаетъ критикѣ, стараясь утвердить читателя въ мысли, что Константинъ и въ указанныхъ случаяхъ оставался вѣрнымъ приверженцемъ православія.

Говоря объ обстоятельствахъ, при которыхъ рѣшено было произвести воссоединеніе Арія съ церковію (вслѣдъ за чѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовала неожиданная и позорная смерть еретика), авторъ разъясняетъ, что это дѣло устроилось евсевіанами, т. е. послѣдователями Евсевія Никомидійскаго. Потомъ онъ приводитъ выдержку изъ одного сочиненія Афанасія Великаго, гдѣ рассказываются подробности о томъ, какъ при этомъ случаѣ Константинъ пригласилъ Арія къ себѣ и о чемъ съ нимъ бесѣдовалъ. „Когда Арій явился къ Константину, тотъ послѣдній спросилъ его: принимаетъ ли онъ вѣру вселенской церкви. Еретикъ поклялся, что онъ вѣруетъ право, и подалъ письменное исповѣданіе вѣры, скрывъ при этомъ, за что онъ былъ низверженъ изъ церкви епископомъ Александромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрываясь въ своемъ исповѣданіи словами, сходными съ Писаніемъ“. Авторъ приводитъ и греческій текстъ изъ Афанасія, при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на послѣднія слова отрывка: *ὁλοκρινάμενος τὰς ἀπὸ τῶν Γραφῶν λέξεις*. Приведши греческій текстъ, авторъ замѣчаетъ: это значить, что Арій затаилъ свое лжеученіе и лицемерно принялъ истинное ученіе. Какое же именно ученіе лицемерно принялъ Арій? спрашиваетъ Флашъ и отвѣчаетъ: Афанасій называетъ его: *τὰς ἀπὸ τῶν Γραφῶν λέξεις*. Св. отецъ — разъясняетъ авторъ — разумѣетъ здѣсь нѣчто опредѣленное, именно термины Никейскаго собора: „изъ сущности“ и: „единосущный“. Легко доказать—продолжаетъ Флашъ, что къ этимъ терминамъ относится выраженіе Афанасія: *τὰς λέξεις*; если Афанасій говоритъ:

„изреченія“, то онъ разумѣтъ опредѣленные изреченія, характеристическіе термины. Эти разумѣмая имъ „изреченія“ не буквально находятся въ Писаніи, иначе они назывались бы *ἔγγραφοι*; они только „сообразны съ Писаніемъ“ или основываются на писаніи, или же, какъ иногда выражается самъ Аѳанасій: „они заимствуютъ свой смыслъ изъ Писанія“. Въ качествѣ характеристическихъ терминовъ православія исторія арианской ереси — пишетъ авторъ — знаетъ лишь эти два вышеназванные, которые приняты Никейскимъ соборомъ, какъ прямо противоположные формуламъ Арія. Аѳанасій называетъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ: „изреченіе, изреченія“ (*αἱ λέξεις*). Изъ этого филологическаго изысканія открывается, пишетъ Флаша, слѣдующій результатъ: Арій дѣлалъ видъ, что будто онъ принимаетъ Никейскую вѣру и что будто онъ согласенъ принять термины: „изъ сущности“ и: „единосущный“. Почему же онъ такъ поступилъ? Не потому ли, что Константинъ не хотѣлъ довольствоваться тѣмъ исповѣданіемъ вѣры, которое представилъ ему Арій вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ ссылки? Мы утверждаемъ (слова Флаша), что императоръ потребовалъ отъ Арія Никейской вѣры и настаивалъ на принятіи имъ выраженій, исключających всякій обманъ. Въ принципѣ Константинъ всегда держался Никейскаго исповѣданія (152 — 153). Все это „филологическое изысканіе“ Флаша есть плодъ разнаго рода недоразумѣній—нужно сказать. Не изъ чего не видно, чтобъ Арій представлялъ Константину или прямо Никейскій символъ, или какое-либо исповѣданіе вѣры, но съ никейскими характеристическими терминами. Изъ разсказа Аѳанасія несомнѣнно слѣдуетъ, что Арій представилъ Константину лишь то свое исповѣданіе вѣры, которое онъ и раньше предъявлялъ ему, при своемъ возвращеніи изъ ссылки. Старанія Флаша доказать, что подъ „изреченіями“—*λέξεις* нужно разумѣть важнѣйшіе никейскіе термины: „изъ сущности“ и: „единосущный“ не выдерживаютъ критики. Въ разбираемомъ мѣстѣ, Аѳанасій говоритъ, что еретикъ прикрывался „изреченіями изъ Писанія“: *τὰς ἀπὸ Γραφῶν λέξεις*, но никогда и нигдѣ Аѳанасій термины: „единосущный“ и „изъ сущности“ не называетъ „изреченіями изъ Писанія“, такъ какъ эти термины не изъ Писанія заимствованы. Зна-

читать, если Аѳанасій утверждаетъ въ разбираемомъ случаѣ, что Аріій прикрывался „изреченіями изъ Писаній“, то онъ говоритъ о дѣйствительныхъ изреченіяхъ Писанія, а не о терминахъ: „изъ сущности“ и: „единосущный“. Аѳанасій выставляетъ Арія притворщикомъ и лицемеромъ предъ Константиномъ ясно потому, что этотъ еретикъ дѣлалъ видъ, что онъ будто бы соглашается съ православной вѣрой, а между тѣмъ самъ представляетъ императору такое исповѣданіе вѣры, которое хотя и изложено словами Св. Писанія, но не одинаково по смыслу съ Никейскимъ ученіемъ. Нужно сказать, что съ точки зрѣнія Аѳанасія всякое исповѣданіе вѣры, хотя бы изложенное въ полномъ согласіи съ Писаніемъ, но различающееся отъ никейскаго по слововыраженію -- есть признакъ неправовѣрія и лицемерія. Онъ на примѣръ писалъ: „каждый пусть содержитъ вѣру, изложенную письменно въ Никее, и да не терпитъ тѣхъ, которые противъ нея замышляютъ нововведенія. Хотя напишутъ вамъ изреченій изъ Писаній, не потерпите написавшихъ; хотя возгласятъ православныя реченія, не внимайте говорящимъ такъ“ (*Epistola ad episcopos Aegypti et Libyae*, Migne, tom. 25, col. 556. Творен. рус. пер. I, 412).— Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что разбираемый эпизодъ съ Аріемъ не доказываетъ того, что въ данномъ случаѣ Константинъ являлъ себя яснымъ приверженцемъ не православія вообще, а именно Никейскаго символа и его характеристической терминологіи. Впрочемъ, если Флашъ и не доказываетъ того, что онъ хочетъ доказать, то это не можетъ служить къ какому-либо униженію Константина: императоръ не могъ входить во всѣ тонкости тогдашнихъ богословскихъ споровъ.

Что касается крещенія Константина, случившагося предъ самую его смертію, то на этотъ фактъ авторъ обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ потому, что по сужденію большинства историковъ нашего времени первый христіанскій императоръ крещенъ былъ Евсевіемъ Никомидійскимъ, слѣдовательно ярымъ аріаниномъ; а это обстоятельство, конечно, должно набрасывать тѣнь подозрѣнія на самое православіе Константина.—Флашъ знаетъ, что существуетъ два сказанія о крещеніи Константина: одно западное, утверждающее, что императоръ крещенъ папою Сильвест-

ромъ, а другое восточное, принадлежащее Евсевію и утверждающее, что онъ крещенъ въ Никомидіи, предъ смертію. Авторъ справедливо не даетъ значенія западному сказанію, находя, что „преданіе опиравшееся на авторитетъ Евсевія, единственно правильное“; но не совсѣмъ понятно: зачѣмъ авторъ останавливается на немъ и разбираетъ его — все это отзывается научнымъ анахронизмомъ. Если бы авторъ въ дѣйствительно научномъ смыслѣ захотѣлъ потолковать объ этомъ, то онъ долженъ былъ рѣшить такіе вопросы: когда возникло такое преданіе и чѣмъ условливалось возникновеніе его; но онъ не затрогиваетъ этихъ серьезныхъ вопросовъ. — Признавъ правильнымъ воззрѣніе восточное относительно крещенія Константина, авторъ естественно встрѣчается съ тѣмъ затрудненіемъ, которое и до сихъ поръ не достаточно распутано въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ: если Константинъ получилъ крещеніе отъ Евсевія Никомидійскаго, то онъ скончался, исповѣдая не православіе, а аріанство? Авторъ, разумѣется, отнюдь не склоненъ дѣлать такого вывода. А для того, чтобы устранить этотъ выводъ, необходимо дать такое толкованіе факта Константинова крещенія Евсевіемъ, которое бы сохраняло невредленнымъ православіе перваго христіанскаго императора. Такъ и поступаетъ Флашъ. Онъ говоритъ: „Уже съ 328 года (т. е. со времени возвращенія Евсевія изъ религіозной ссылки) Константинъ отмечаетъ всякое подозрѣніе о Евсевіи въ отношеніи къ аріанству“ (155—158)... слѣдовательно? Что же: слѣдовательно? Неужели, изъ того, что Константинъ считалъ Евсевія не аріаниномъ, вытекаетъ заключеніе, что Константинъ крещенъ былъ, какъ надлежитъ православному? Не думаемъ. Неужели нужно было бы признавать Константина крещеннымъ по православному и въ томъ случаѣ, если бы онъ принялъ крещеніе отъ руки самого Арія, котораго онъ даже соглашался торжественно воссоединить со вселенскою церковію? Намъ кажется, что Флашъ своимъ разъясненіемъ не достигъ желаннаго результата. Не считая удобнымъ оставлять затронутый вопросъ не рѣшеннымъ, мы осмѣливаемся указать на то рѣшеніе его, которое принадлежитъ намъ лично и которое было выражено нами въ 1886 году въ одномъ изъ духовныхъ журпаловъ. Опровергая тоже самое мнѣніе, которое опровергаетъ и Флашъ,

т. е., что Константинъ крещенъ аріаниномъ и есть самъ аріанинъ, мы говорили: „Но историкъ Евсевій Кесарійскій не говоритъ, что Константинъ былъ крещенъ Евсевіемъ Никомидійскимъ, а утверждаетъ ясно, что онъ крестился отъ *собора* епископовъ (V. С. IV, 61). Изъ кого состоялъ этотъ соборъ неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что въ этомъ соборѣ участвовалъ и Евсевій Никомидійскій, но едва ли ему принадлежало первенствующее мѣсто здѣсь: Константинополь близко отъ Никомидіи; поэтому есть основанія полагать, что патріархъ столицы св. Александръ прибылъ на соборъ въ виду важности дѣла и занялъ въ соборѣ первенствующее мѣсто. Правда, Александръ былъ очень старъ, но вѣдь онъ прожилъ послѣ того еще три года, управляя церковію“ ¹⁾. Противъ нашего мнѣнія возможны возраженія, заимствуемая изъ неясной хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ тридцатыхъ годовъ IV вѣка; но если бы и возникли серьезные недоумѣнія, то ихъ—думаемъ—можно было бы удовлетворительно разрѣшить ²⁾.

Къ числу важныхъ недостатковъ разбираемой книги нужно относить недостаточно полное знакомство автора съ литературой своего предмета; въ нѣмецкой литературѣ Флашъ оказывается не знакомъ съ журнальными статьями Кейма, съ книгами и статьями Шульце, французская литература предмета совсѣмъ неизвѣстна автору—онъ не цитируетъ ни Бенью, ни Шателя, ни Брольи, ни Дюрюи, ни Буассье, итальянскія пособія извѣстны ему въ незначительной степени, наприм. нѣкоторые пумизматы (Каведони).

Въ числѣ, обращающихъ на себя вниманіе, страницъ книги можно отмѣтить главу, рассматривающую „теологію Константина“ (глава эта интересна по замыслу, но не по выполненію), параграфъ объ отношеніи Константина къ Аѳанасію и кое-что другое.

Несмотря на недостатки разбираемой книги, она остается полезною, какъ единственная церковно-историческая нѣмец-

¹⁾ См. мою статью: „Константинъ Великій въ частной жизни“ („Душеп. Чтеніе“, 1886, т. I, стр. 194).

²⁾ Впрочемъ см. архим. Сергія: „Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. II, Замѣтки, стр. 261.

кая монографія о Константинѣ; положимъ авторъ ея знаетъ далеко не всю литературу предмета, но все же онъ можетъ ознакомлять съ этой литературой многихъ изъ своихъ читателей, конечно еще менѣе знакомыхъ съ нею, и служить по этой части руководителемъ для нихъ.

А. Л.
